

Марат Мазитович МУСИН

*Доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой антикризисного
и стратегического менеджмента РГТЭУ*

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ НЕОИНДУСТРИАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

В январе 2009 г. канцлер Германии Ангела Меркель и президент Франции Николя Саркози публично заявили, что построенная на Западе социально-экономическая модель **аморальна** по своей сути и подлежит уничтожению, поскольку не способна решить накопившиеся социальные проблемы, преодолеть усиливающееся расслоение общества и стран на бедных и богатых. Тем самым Европа признала приоритет морально-нравственных принципов над экономикой и голым рациональным расчетом, несостоятельность доктрины Ното оесономісис. Проамерикански настроенные лидеры ведущих стран мира сознались, что даже «старушка Европа» живет не по средствам, за чужой счет. Что же тогда говорить о США, обложивших весь мир своим колониальным налогом? С другой стороны, и в США президент Обама признал, что система работает в интересах дельцов с Уолл-стрит, а не простых людей, то есть тот очевидный факт, что «невидимая рука рынка» давным-давно залезла в их карманы.

Сегодня Запад полностью расстался с иллюзиями о позитивной роли рынка и дикой рыночной стихии в целом. Цивилизованный мир признал несостоятельной утопией саму идею регулирующей роли стихии дикого рынка как главного и единственно возможного регулятора всех отношений в обществе. Тем не менее у правящих элит ни Запада, ни России не появилось понимания, что только целостная система всей совокупности социально-экономических регуляторов способна консолидировать интересы общества.

Сегодня элиты продолжают уповать на рациональный экономический расчет, отвергая в массе своей существование социальных регуляторов более высокого порядка, а именно:

1. религиозного;
2. морально-этического;
3. культурного, обобщающего позитивный опыт предыдущих поколений;
4. правового;
5. политического.

Отечественная «пятая колонна» и вышедшие из ее рядов «специалисты» экономического блока российского правительства вопреки очевидному продолжают утверждать, что стихия рынка — смысл их и нашей жизни. Во главу угла они ставят регулятор самого низшего, шестого уровня — экономический.

Другие надеются решить все проблемы путем банальной замены регулятора. Мечтая о чудодейственной палочке-выручалочке, они тщетно ищут тот самый, заветный. Например, Президент РФ Д.А. Медведев пытается выстроить отношения в обществе на основе правового регулятора (регулятора

четвертого уровня), забывая, что право аморально по своей сути, поскольку за намерения не судят. Копируя в речах и делах Президента СССР, Медведев, естественно, наследует и его главную управленческую ошибку. Ведь именно М.С. Горбачев в свое время озвучил давно забытую формулу социального разрушения Томаса Гоббса: «Все, что не запрещено, разрешено». В результате за последние два десятилетия был построен криминальный экономический режим имени Б.Н. Ельцина. Сегодня в рамках этой необычной социально-экономической модели масштаб коррупции достиг такого уровня, что власть даже заикнуться не может о каком-либо правовом государстве.

Другой преемник — В.В. Путин — вслед за Ю.В. Андроповым уповал исключительно на политические методы, представляющие собой регулятор еще более низкого, пятого уровня. Но политика, построенная на некомпетентности, коррупции, продаже должностей и сдаче наших национальных интересов, изначально бесперспективна. В условиях кризиса она уже показала свою несостоятельность, как, впрочем, и лежащая в ее основе криминальная экономика колониальной трубы. Сказанное справедливо и в отношении столь любимых окружением Путина чекистских приемов управления, которые изначально были предназначены совсем для другого. Действительно, органам безопасности нередко приходится использовать темную сторону души человека и его грехи для защиты страны и разрушения планов геополитических противников России. Для созидания же такие методы совершенно бесполезны. Нужны совершенно другие люди и иные компетенции.

Сегодня лидеры США, Европы и России, на наш взгляд, совершают одни и те же ошибки. Прежде всего, у них нет понимания, что гармонизировать отношения в обществе на основе лишь какого-то одного из существующих социально-экономических регуляторов принципиально невозможно. Положительный синергетический эффект может дать только их целостная неделимая система. Кроме того, их попытки игнорировать закон незаменимости социальных норм, когда социальный регулятор более высокого уровня невозможно заменить регулятором более низкого уровня, противоречат всему нашему историческому опыту.

Право не работает, если общество считает, что власть имущие попирают законы Божии, требования совести и морали, оскорбляют память предков. Пытаясь навязать нашему народу чуждые ему духовные и морально-нравственные ценности — либеральную рыночную концепцию, основанную на смертном грехе лихоимства, либо богоборче-

скую марксистскую, — власть уже 92 года рубит сук, на котором сидит. Следовательно, с чисто прагматической точки зрения надолго в Кремле воцарится тот правитель, который сможет разрешить это основное противоречие российского общества. Только тогда должным образом заработают право и вся политическая машина государства. Поэтому совершенно очевидно, как именно надо позиционировать регуляторы первых пяти уровней.

В конечном счете, нам остается решить лишь один вопрос: что же нужно сделать власти на шестом уровне — в экономике? Что конкретно должна сделать власть в экономике в условиях кризиса и в будущем — в постнефтяном обществе?

Заметим, что в России негативные последствия экономического кризиса усиливаются рядом неблагоприятных факторов. Во-первых, на кризис доллара как резервной валюты дополнительно накладывается кризис оказавшегося критически низким качества отечественной системы государственного и корпоративного управления, которая отличается, как неоднократно отмечал Д.А. Медведев, массовой коррупцией и некомпетентностью руководителей различных уровней. Во-вторых, сказывается сильная зависимость страны от экспорта сырья, доля которого в структуре российского экспорта по последним данным составляет свыше 93,5%, как и вассальная зависимость от монетарной политики США и ЕС.

За шесть месяцев кризис из области финансов распространился на реальный сектор экономики и сферу услуг. Потеря экспортной выручки в условиях сырьевой модели экономики не позволит правительству проводить политику индексации бюджетных расходов, как это происходило на протяжении последних 15 лет. Далее неминуемо возникают серьезные проблемы социального, а затем и политического характера.

По нашим оценкам, в результате сокращения социальных расходов уже в 2009 г. кризис испытает на прочность всю вертикаль власти и заставит перейти к «ручному» управлению страной. Неизбежным станет отказ от сырьевой модели экономики в пользу производства продукции конечного спроса с обеспечением беспрепятственного доступа к основным сырьевым и финансовым ресурсам, в том числе через национализацию банков и сырьевых ФПГ. В переходный период формирования и институционального оформления новой системы государственного управления для достижения необходимых договоренностей с различными субъектами на федеральном, региональном, муниципальном и корпоративном уровнях антикризисному штабу правительства потребуются рычаги реального влияния.

Политика, построенная на некомпетентности, коррупции, продаже должностей и сдаче наших национальных интересов, изначально бесперспективна

К ним можно отнести, в частности, ряд апробированных антикризисных инструментов и современных управленческих инноваций, включая механизм негласного оперативного контроля финансовых потоков и мониторинг нецелевого использования выделяемых на борьбу с кризисом государственных средств. Разработанные отечественными специалистами решения позволят системно перекрыть каналы утечки капитала за рубеж, используя в переходный период дополнительный рычаг воздействия на сотни тысяч экономических субъектов, в том числе совершающих тяжкие и особо тяжкие преступления в экономической сфере.

Сегодня вопрос о путях развития страны встал ребром: либо Россия останется сырьевой колонией Запада, либо мы вернем себе статус ведущей промышленно развитой державы мира.

Колониальную сырьевую модель взамен индустриальной 18 лет назад нам навязали ничего не понимающие в экономике либералы-западники со своей утопией регулирующей стихии дикого рынка. Взяв в 1991 г. курс на деиндустриализацию, они разрушили отечественную обрабатывающую промышленность и основные народно-хозяйственные связи. За короткий срок они смогли уничтожить вторую индустриальную страну мира. Но тогда, в рамках колониальной модели экономики трубы, согласно теории сброса народонаселения необходимо быстрее извести 126 млн наших соотечественников вместо того, чтобы создать все условия для резкого повышения рождаемости. Таковы стихия и дезорганизация VS государственно-корпоративной экономической модели и госкапитализма как его высшей стадии.

Учитывая, что стратегические национальные интересы США диаметрально противоположны национальным интересам России, на вопрос «Кто виноват?» мы получаем однозначный ответ — либералы-западники. Но это только на первый взгляд: корни проблемы уходят в период полвека назад. Ведь через 50 лет институционально оформлено то, что было принято (по своей сути ошибочно) малограмотным политическим руководством СССР.

На самом деле крах советской экономики был заложен еще в 1961 г., когда в программу КПСС был включен пункт о «нормальной рентабельности» предприятий, в том числе промежуточных переделов. Именно этот поворот превратил СССР из безусловного мирового лидера госкапитализма (по крайней мере, в области ВПК и машиностроения) в его аутсайдера, позволив США и Европе занять место Советского Союза и сделать ставку на огосударствление экономики. Именно тогда был определен вектор деградации отечественной экономики в угоду сначала принципу «нормальной

рентабельности», затем «хозрасчета предприятий», а в 1990-е гг. — дезорганизации и децентрализации экономики по модели частных предприятий, живущих по законам дикого рынка и максимизации прибыли. В результате в 1950–1960-х гг. мы откатились на уровень отраслевого капитализма образца трестов 1920-х гг., а в 1980–1990-е гг. мы вернулись к модели компрадорского капитализма образца начала XX в., полностью зависящего от Запада.

Как доказали авторы неоиндустриальной парадигмы (научная школа профессора С.С. Губанова), США и Европа взяли за основу модели своего развития советскую систему вертикально-интегрированных межотраслевых комплексов ОПК и машиностроения военного и послевоенного периодов. В результате за последние полвека произошло явное огосударствление западной экономики. Советское же руководство со времен Н.С. Хрущева, взяв курс на дезинтеграцию, последовательно сдавало позиции мирового экономического лидера по темпам развития, снижению себестоимости и материалоемкости, росту производительности труда. При этом был нарушен основополагающий закон вертикальной интеграции, согласно которому рентабельность промежуточных переделов должна быть равна нулю. В противном случае все начинают снимать жирную «пенку» на промежуточных этапах, что в принципе не позволяет получить конкурентоспособную продукцию конечного спроса. Сегодня, как показывают расчеты, доля паразитов-посредников составляет свыше 30% ВВП, причем 27% ВВП снимается посредниками криминальным путем! В итоге любому системообразующему предприятию или банку можно вменить миллиарды, если не сотни миллиардов рублей хищений.

Согласно С.С. Губанову, важнейшие особенности вертикальной интеграции — это:

1. Межотраслевое объединение предприятий в полный единый цикл воспроизводства наукоемкой продукции конечного спроса.
2. Гарантированное внутреннее обеспечение материальными ресурсами (сырье и его переделы).
3. Целевая продуктовая специализация вертикально-интегрированной структуры (технотронная для удовлетворения промежуточного и конечного спроса).
4. Объединение добывающих и обрабатывающих производств.
5. Современная организационная структура на базе передовых эконометрических систем класса «Ариадна».
6. Поддержание формальной и неформальной зависимости ключевых поставщиков.
7. Интеграция науки в корпорации.

Сегодня вопрос о путях развития страны встал ребром: либо Россия останется сырьевой колонией Запада, либо мы вернем себе статус ведущей промышленно развитой державы мира

Что же нужно делать в экономике?

Однозначный ответ дан отечественной наукой — перейти с сырьевой ренты на неоиндустриальную. За последние 20–30 лет мировая экономическая мысль не выдвигала ничего, подобного неоиндустриальной парадигме. Сегодня предложенная школой профессора Губанова концепция развития России завоевывает лучшие умы в ведущих интеллектуальных центрах на постсоветском пространстве.

Действительно, ключевой вопрос сегодня заключается в отношении к стихии рынка: есть ли альтернатива стихийному производству по базовому критерию максимизации прибыли (так называемый либеральный капитализм низшего порядка)? Какова роль планирования? Из чего выжимать максимум прибыли — из промежуточных переделов, как это делается сегодня в России, или из конечного производства, как это делается в США и Европе?

«Великая депрессия» низшего стихийного («либерального») капитализма 1929–1933 гг. привела к мировой войне 1939–1945 гг. Глубокий анализ причин победы советской экономики над экономикой Европы позволил кардинально перестроить всю экономическую систему Запада. Именно осмысление феноменальной победы военной промышленности СССР над лучшими европейскими концернами, как и быстрое восстановление страны, привело к переходу США и Европы к стадии государственно-корпоративного капитализма, основанного на огосударствлении экономики и главенстве вертикально-интегрированных межотраслевых комплексов (ТНК). «Кейнсианская революция» вобрала в себя лучший опыт тогдашних мировых лидеров индустриального развития. По оценкам С.С. Губанова, сегодня доля ТНК с капитализацией свыше \$1 млрд в экономике США по совокупному капиталу превышает 83,2% (в 1970 г. — 48,8%), а по прибыли — 86% (против 51,9% в 1970 г.). В производстве электронного оборудования и двигателестроения, микропроцессоров и двигателей технотронного типа удельный вес ТНК в объеме инновационных разработок составляет 100%.

Это господство экономики корпораций, экономики вертикальной интеграции. Доля малых предприятий — 10%! В России все с точностью наоборот — доля дезинтегрированных, децентрализованных неконкурентоспособных предприятий составляет свыше 90%. Вопиющая некомпетентность и интеллектуальная ущербность ведущих идеологов экономического блока российского правительства вызывают глубокое сожаление. На днях помощник президента А.В. Дворкович предложил взять за основу формулы выхода из кризи-

са... малый бизнес и несостоятельную парадигму информационного общества. Ясно, что не читали и не читают нынешние горе-советники серьезную экономическую литературу. Ведь давным-давно опубликована убийственная детальная критика «постиндустриальной парадигмы» младотроцкиста Белла, как и наспех скомпилированная на его базе концепция «информационного» общества, согласно которой якобы свыше 70% занятости и ВВП в США относятся к сфере услуг.

Но цифры показывают иное: сегодня развитие ведущих держав движется за счет производства средств производства (в США доля средств производства в совокупном общественном продукте составляет 55,8%, в Германии — 58%, в Японии — 60%)! Где же здесь доминирование сферы услуг? Доля материальных ресурсов в конечном потреблении домохозяйств превышает 65,3%, т.е. 2/3 общего объема. Лукавство и подтасовки статистики США давно вскрыты российскими учеными. Сегодня доля государственно-корпоративного сектора США в общей занятости составляет 78,4% (60,3% — занятые в материальном производстве, 1,1% — занятые в сельском хозяйстве и 17% — госсектор).

В настоящее время в экономическом блоке правительства России нет элементарного понимания индустриализации как замены стадии развития капитализма, а не механизации труда, что главный критерий — не удельный вес индустрии, а доля машинных работников и степень машинозамещения ручного труда. Как и понимания того, что сегодня мы находимся всего лишь на второй стадии индустриализации — стадии автоматизации (базовые продукты которой — микропроцессор и технотронные двигатели). Но в отдельных отраслях — сельском хозяйстве, автотранспорте и ряде других — мы не прошли даже первую фазу индустриализации, стадию электрификации, базовый продукт которой — электричество, а главный критерий — доля электрифицированных машин и рабочих мест. Логика управления промышленным капиталом кардинально отличается от логики управления фиктивным или денежным капиталом. Сырьевые олигархи и биржевые спекулянты никогда не смогут поднять отечественную промышленность. Отечественный промышленный капитал должен поглотить сырьевой и банковский, а не наоборот. Сегодня на повестке дня — запуск обрабатывающей промышленности через стратегическую национализацию сырьевой, банковской, земельной и инфраструктурной ренты.

В условиях глобальной конкуренции, в постнефтяной экономике переход России на государственно-корпоративную стадию развития неизбежен. ■

Сырьевые олигархи и биржевые спекулянты никогда не смогут поднять отечественную промышленность. Отечественный промышленный капитал должен поглотить сырьевой и банковский, а не наоборот